

Константин Бальмонт

ХОРОВОД ВРЕМЕН

Всегласность

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

*Посвящаю эти строки матери моей
Вере Николаевне Лебедевой-Бальмонт,
Чей предок был
Монгольский Князь
Белый Лебедь Золотой Орды*

1

Конь к коню. Гремит копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Гей, за степь! Вся степь изрыта.
В лете коршуна не тронь.

Да и лебеда не трогай,
Белый Лебедь заключет.
Гей, дорога! Их у Бога
Столько, столько – звездный счет.

2

Мы оттуда, и туда, все туда,
От снегов до летней пыли, от цветов до льда.

Мы там были, вот мы здесь, вечно здесь,
Степь как плугами мы взрыли, взяли округ весь.

Мы здесь были, что то там, что вон там?
Глянем в чары, нам пожары светят по ночам.

Мы оттуда, и туда, все туда,

Наши – доли, наши – реки, села, города.

3

Для чего же и дан нам размах крыла?
Для того, чтобы жизнь жила.
Для того, чтобы воздух от свиста крыл
Был виденьем крылатых сил.

И закроем мы Месяц толпой своей,
Пролетим, он блеснет светлей.
И на миг мы у Солнца изменим вид,
Станет ярче небесный щит.

От звезды серебра до другой звезды –
Наш полет Золотой Орды.
И как будто за нами бежит бурун,
Гул серебряно-звонких струн.

От червонной зари до зари другой
Птичьи крики, прибой морской.
И за нами червонны цветы всегда,
Золотая живет Орда.

4

Конь и птица – неразрывны,
Конь и птица – быстрый бег.
Как вдали костры призывны!
Поспешаем на ночлег.

У костров чернеют тени,
Приготовлена еда.
В быстром беге изменений
Мы найдем ее всегда.

Нагруженные обозы –
В ожидании немом.
Без вещательной угрозы,
Что нам нужно, мы возьмем.

Тени ночи в ночь и прянут,
А костры оставят нам.
Если ж биться с нами станут,
Смерть нещадная теням.

Дети Солнца, мы приходим,
Чтобы алый цвет расцвел,
Быстрый счет мы с миром сводим,
Вводим волю в произвол.

Там где были разделенья
Заблудившихся племен,
Входим мы как цельность пенья,
Как один прибойный звон.

Кто послал нас? Нам неизвестно.
Тот, кто выслал саранчу,
И велел дома, где тесно,
Поджигать своим «Хочу».

Что ведет нас? Воля кары,
Изменение вещества.
Наряжаясь в пожары,
Ночь светла и ночь жива.

А потом? Потом недвижность
В должный час убитых тел,
Тихой Смерти необлыжность,
Черный коршун пролетел.

Прилетел и сел на крыше,
Чтобы каркать для людей.
А свободнее, а выше –
Стая белых лебедей.

5

Ночь осенняя темна, уж так темна,
Закатилась кругорогая Луна.

Не видать ее, Владычицы ночей,
Ночь темна, хоть много звездных есть лучей.

Вон, раскинулись узором круговым,
Звезды, звезды, многозвездный белый дым.

Упадают. В ночь осеннюю с Небес
Не один светильник радостный исчез.

Упадают. Почему, зачем, куда?
Вот, была звезда. И где она, звезда?

Воссияла лебединой красотой,
И упала, перестала быть звездой.

А Дорога-Путь, Дорога душ горит.
Говорит душе. А что же говорит?

Или только вот, что есть Дорога птиц?
Мне уж мало убеганий без границ.

Мне уж мало взять костры, разбить обоз,
Мне уж скучно от росы повторных слез.

Мне уж хочется двух звездных близких глаз,
И покоя в лебедино-тихий час.

Где ж найду их? Где, желанная, она?
Ночь безлунная темна, уж как темна.

Где же? Где же? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Светят звезды, не просветят в мире тьму.

Упадают. За чредою череда.
Вот, была звезда. А где она, звезда?

6

– Где же ты? Тебя мы ищем.
Завтра к новому летим.

– Быть без отдыха – быть нищими.
Что мне новый дым и дым!

– Гей, ты шутишь? Или – или –
Оковаться захотел?

– Лебедь белый хочет лилий,
Коршун хочет мертвых тел.

– А не ты ли красовался
В нашей стае лучше всех?

– В утре – день был, мрак качался.
Не смеюсь, коль замер смех.

– Гей, зачухнешь здесь в затоне.
Белый Лебедь, улетим!

– Лучше в собственном быть стоне,
Чем грозой идти к другим.

– Гей, за степи! Бросим, кинем!
Белый Лебедь изменил. –

Скрылись стаи в утре синем.
В Небе синем – звон кадил.

7

– Полоняночка, не плачь.
Светоглазочка, засмейся.
Ну, засмейся, змейкой вейся.
Все, что хочешь, обозначь.

Полоняночка, скажи.
Хочешь серьги ты? Запястья?
Все, что хочешь. Только б счастья
Поле счастья – без межи.

О, светлянка, поцелуй!
Дай мне сказку поцелуя!
Лебедь хочет жить ликуя,
Белый с белой в брызгах струй.

Поплывем, – не утоплю.
Возлетим, – коснусь крылами.
Выше. К Солнцу! Солнце с нами!
– Лебедь... Белый... Мой... Люблю...

8

Опрокинулись реки, озера, затоны хрустальные,
В просветленность Небес, где несчетности Млечных Путей.
Светят в ночи веселые, в мертвые ночи, в печальные,
Разновольность людей обращают в слиянность ночей.

И горят, и горят. Были вихрями, стали кадилами.
Стали бездной свечей в крутозданности храмов ночных.
Морем белых цветов. Стали стаями птиц, белокрылыми.
И, срываясь, поют, что внизу загорятся как стих.

Упадают с высот, словно мед, предугаданный пчелами.
Из невидимых сот за звездой падает звезда.
В души к малым взойдут. Запоют, да пребудут веселыми.
И горят как цветы. И горит Золотая Орда.

*1908. Ночи Зимние
Долина Берез*

ТРИНАДЦАТЬ ЛУН

I

ЯНВАРЬ

Славянский Просинец, в сосульках весь, Январь,
Как будто Новый Год, как будто смотрит в старь,
Поставлен Декабрем, и словно вправду царь.

Морозит, и казнит, и носит горностаи,
Пощады от него в лесу не ожидай,
А все же знает сам, что будет Март и Май.

Хотя у Января и долог белый зуб,
Хоть золотом лучей по-старчески он скуп,
Труби в метель-трубу, – что толку в ревах труб?

Едва Январь вошел в хрустальный свой дворец, –
Раскрыла чуточку Весна цветной ларец,
И стали дни расти и петь Зиме конец.

Поют они, поют, и луч на них блеснет,
Поют они, что вот снежинкам спутан счет,
Что льды-то хороши, а тает все ж и лед.

И слушает Январь, бледнеет, побелел,
Синеет, весь застыл, увидел свой предел,
Так, Просинец, синей, конец тебе приспел.

II

ФЕВРАЛЬ

Февраль – Сечень, Февраль – печаль,
Короткий день, а дня нам жаль,
Короткий день, и длится ночь.
Тут как менять? Тут как помочь?

Февраль, он круг, Февраль, он лют,
Ему лишь ветры стих поют.
Сечет он снегом лица нам,
Сечет он зиму пополам.

Февраль – предатель. Бойся тот,
Кому Февраль теплом дохнет.
Он греет час, в обманах дней,
Чтоб ночью было холодней.

III

МАРТ

Март капризный, Март безумный, Итальянцы говорят,
Месяц тот, что пред Апрелем – так его, боясь, крестят.

Стонут мартовские кошки, в нашем сердце и на крыше,
И сказать нам невозможно, где свирепее, где тише.

Март у матери взял шубу – продал мех на третий день,
Март неверный, Март смеется, Март рыдает, свет и тень.

Март ворчит как старый старец, Март лепечет как ребенок,
Март приходит львом могучим, а уходит как ягненок.

Входит в кровь и в сновиденья, влажным делает наш взгляд,
Март безумный, Март безумный, Итальянцы говорят.

IV

АПРЕЛЬ

Апрель – разымчивый Цветень,
Апрель – сплошной Егорьев день,
В упорной схватке свет и тень.

Пучинный месяц, жив прилив,
Разлив широк, поток красив,
От мига – час для новых нив.

Последних льдинок тонкий звон,
Прилет крылатых завершен,
Поют и вьют, вступают в сон.

Но все ж, хоть много снов зажглось,
Двенадцать раз седой Мороз
Посеребрит луга, откос.

И будет рыжая Луна,
Врагиня грез, она страшна,
Цветам в ней ржавчина одна.

Но если холод – лиходей,
Егорий есть в разливе дней,
Защита трав, полей, зверей.

На белом ездит он коне,
И щит его в живом огне,
Седло в цветочной пелене.

Он появляется в лесах,
Весь в красном золоте, в звездах,
Златые кудри – в жемчугах.

И зверю он дает наказ,
Пчеле велит, чтобы зажглась,
Покинув улей в ранний час.

Егорий едет – слышишь гром?
Егорий рушил водоем,
Егорий, песнь тебе поем.

V

МАЙ

Май, Май,
Светлый рай,
Обнимай да не замай.
Май, Май,
Цветничок,
В роще светленький лужок.

Май, Май,
Свежий сон,
Колокольцев нежный звон.
Ландыш здесь,
И ландыш тут,
Это ландыши поют.

Май, Май,
Нежный весь,
Шепот там, и смехи здесь.
Как струна,
Из ветвей,
Звонко кличет соловей.

Май, Май,
Ты – Весна,
Ты – окошко для зерни.
Вдруг пошлешь
Даже снег,
На часок, для больших нег.

Май, Май,
Ты хорош,
Не забыл ни цвет, ни рожь.
Май, Май,
Ты – уста,

Трепет тела, красота.

Май, Май,
В коноплю,
В лен влагаешь ты «Люблю».
Сказок рай,
Урожай,
Поцелуй нас, Май, Май.

VI

ИЮНЬ

Июнь, непостижно-короткая ночь,
Вся прозрачная, вся просветленная.
Кто родится в Июне, никак одному не сумеет помочь:
В душе его век будет греза влюбленная,
Душа его будет бессонная.

В зеленом Июне цветут все цветы,
Густеет осока прохладными свитками,
Белеет купава, как стынущий лик чистоты,
Дрема навевает вещательность сонной мечты,
О маленьком счастье безмолвную речь с маргаритками
Ведет незабудка, и шепчет: «Припомнишь ли ты?»
Цветет и влюбляет ночная фиалка пахучая,
И рдеют сердечки гвоздик луговых.
Кто в Июне войдет в этот мир, каждый цвет, его сладостно мучая,
Будет сердцу внушать, что любить нужно их,
Эти сны, лепестки, и душа его станет певучая,
Расцвеченная, жгучая.

И в Июне, в Иванову ночь.
Он искать будет папорот-цвет,
На вопрос невозможный – желанный ответ,
На вопрос, что, мелькнув, уж не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная
Даст, быть может, огонь златоцветный ему,
Чтоб удвоить, за мигмом сияния, тьму,
Чтоб в единственный час,
Где минута с минутой – как искра спаленная,
Тайный папорот-цвет, излучившись, погас,
Чтоб в душе его песнь задрожала стозвонная,
Чтоб душа его стала бессонная.

VII

ИЮЛЬ

Июль – верхушка Лета,
В полях, в сердцах – страда.
В цвету – все волны света,
Цветет – сама вода.

Цветет все ярко-ярко,
Расплавлен самый день,
Все дышит жарко-жарко,
Жужжит, и жжет слепень.

В Июле хоть разденыся,
Не станет холодней.
Гроза, вскипи и вспенься,
Спусти дождей с цепей.

Так ноют ноги, руки.
О, Лета перелом,
Мне легче эти муки,
Когда я с кем вдвоем.

Сияй же мне, зарница,
И молнией мне будь,
Лети же в сердце, птица,
Открой мне в Вечность грудь.

Греми же, колесница
Венчанного Ильи,
Окутай, огневица,
Все помыслы мои.

VIII

АВГУСТ

Зарничник, Зарев, Ленорост,
Дожать, вспахать, посеять,
Пожары сел, паденье звезд,
Пожары листьев, звездный мост.
Куда? И что лелеять?

Серпы нагреты, а свежей,
Чем было там, в Июле,
Все песни спеты, и слышней,
Чем песня, крики журавлей.
Вон, в Небе потонули.

Усекновение главы
Великого Предтечи,
Успенье, Спасы, все ли вы
Собрали все с стеблей травы,
И все ль свершились встречи?

Нам много ль яблоков дано.
Орехов, урожая?
Копейка, хлеб, загром, гумно,
И снова брошено зерно,
И озимь – вот, живая.

Но были ласточки – и нет,
Цветок пылал – и где же?
Он в листьях, в мертвых – пламецвет,
Стригут овец, и Год одет,
Но реже Солнце, реже.

IX

СЕНТЯБРЬ

Вовсе Лето проводили,
И как будто легче нам,
Все скосили, в полной силе,
Все пожали, по домам.

Ветерки от полуночи
Попрохладней понеслись,
Это Осень смотрит в очи,
Эй Сентябрь, не холодись.

Хоть готовы нам кафтаны,
И дрова для всех печей,
Ты в ползучие туманы
Луч последний свой пролей.

Ишь, послушал. Бабье лето.
Две недели есть тепла.
Паутинки в море света,
Даль прозрачная светла,

Золотые в сердце слитки,
Шутит Маем седина,
Взгляды, первые засидки,
Ты откуда, песнь, слышна?

Не рябина ли запела,
Что краснеет красота?

Или отдых после дела?
Или Вздвижение Креста?

Уж не знаем, только праздник,
В Небе, в сердце, золотой.
Эй Сентябрь, да ты проказник,
Ну, всесветник бабий, спой.

Х

ОКТЯБРЬ

Снег неверный, листопад.
Светлой Осени закат,
Пьяный Свадебник, оброк,
Закругляющийся срок.

Кто дожил до Октября,
Поработал он не зря,
В Октябре, как в Марте, в нас
Живо сердце, ум погас.

В Октябре-то, примечай.
Хоть и грязь, а словно Май,
Вот как сваты будут здесь
Путь означится мне весь.

Земляники в Октябре
Не ищи ты по заре,
А рябина – есть, горька,
Да сладка в руках дружка.

Не ищи ты и цветов.
По зазимью, на Покров,
Да уж есть один цветок,
Мне дружок сказал намек.

Посылает он, Покров,
Девке – снов, земле – снегов,
Землю выбелит он тут,
Четко, в церковь поведут.

Белка сменит шерсть, – чиста,
Скручен лен, – дождусь холста,
Необлужною зимой,
Знаю, милый, будешь мой.

XI

НОЯБРЬ

Божий кузнец,
Дороги и реки кует,
Зиме изо льда он готовит ларец,
Алмазы вбивает в холодный венец,
Рассыпавши снег, разукрасивши лед,
Звонко кует.
Белая кузница – мир,
Весь оковал,
В иней не раз и не два одевал
Поле и лес,
Кличет метели на пир,
Смотрит на яркие звезды Небес,
Словно и им он дороги мостит,
Звезды по снегу, и звезды вон там,
Думает, думает, вдруг засвистит,
Мчится, летит, по лесам, по кустам,
Снова – ковать, и гвоздит, и гвоздит,
Гроб, что ли, нам?
Саваном белым в ночах шелестит,
Искрится белая смерть по снегам.

XII

ДЕКАБРЬ

Все покрыл белоснежным убором,
Завершил круговратности сил,
Вместе с звездами ходит дозором,
Не забыл ли чего? Не забыл.

Усыпил мертвецов по могилам,
Почивайте до лучшего дня,
И виденьем скользит белокрылым,
И проходит цепями звеня.

За Зелеными Святками в Белых
Он ведет приговорную речь,
Предстает в зеркалах помертвелых,
В заклинанье колдующих встреч.

И гадают, пугает, гадая,
И счастливит, вопрос угадав,
И меняется сказка седая
Над забвеньем загрязивших трав.

Достигает кратчайшего света,
И с ночами ведет хоровод,
Повернет вместе с Солнцем на Лето,
С Новым счастьем, Земля, Новый Год.

ХШ

ТРИНАДЦАТЫЙ

А кто же тот Тринадцатый?
Он опрокинул счет?
А кто же тот Тринадцатый?
– Я ваш отец, я Год.

Не я ли вам в кружении
Дал ведать бытие,
В различном выявлении
Различное свое?

И дал в цветы вам – снежности,
И дал в снега – цветы,
Свирель печали – в нежности,
И звезд для темноты

Не я ли дал сливаться вам
Из круга в круг другой,
Не я ли дал сплетаться вам
Как радугой – дугой?

Не я ль вам дал свободными
Сквозь три и десять быть,
Со днями хороводными
Сквозь нечет чет любить? –

Тринадцатый да славится,
Им весь оправдан счет!
В века веков да явится
Венчанным мудрый Год!

Да славится Тринадцатый,
Кем жив наш хоровод!
Да славится Тринадцатый,
Круговозвратный Год!

*1907. Ночи Осенние
Soulac-sur-Mer
Villa Ave Maria*

МАЙЯ

1

ИГРАТЬ

Играть на скрипке людских рыданий,
На тайной флейте своих же болей,
И быть воздушным как миг свиданий,
И нежным – нежным как цвет магнолий.

А после? После – не существует,
Всегда есть только – теперь, сейчас,
Мгновенье вечно благовествует,
Секунда – атом, живой алмаз.

Мы расцветаем, мы отцветаем,
Без сожаленья, когда не мыслим,
И мы страдаем, и мы рыдаем,
Когда считаем, когда мы числим.

Касайся флейты, играй на скрипке,
Укрась алмазом вверху смычок,
Сплети в гирлянду свои ошибки,
И кинь, и в пляску, в намек, в прыжок.

II

ЕГИПЕТ

Заснула земля.
Фиал переполненный выпит.
Задремавшие Боги ушли в Небосвод,
Гребцы корабля,
На котором Египет
Сквозь Вечность скользит по зеркальности Нильских вод.

Ушли Фараоны.
Их нарядные мумии спят,
Пред глазами людей восхищенными.
Все пирные звоны
Сменились напевом цикад.
Лишь звезды блещут и блещут над песками, самумом взметенными.

И Сфинкс все глядит.
И Сфинкс все есть Сфинкс неразгаданный.
В зыби веков, что бегут и бегут вперевой.
И вокруг пирамид
Жизнь живет, вешний воздух весь ладанный,
Нил течет, и папируса нет, но лотос расцвел голубой.

Ш

ОАХАКА

Жасминный сон в саду мимозном
И многократно цветовом,
Под Небом бездным, Небом звездным.
Где много дружных звезд вдвоем.

Весенний сад акаций белых,
И апельсиновых ветвей.
Помедли, Ночь, в своих пределах,
О, тише, тише, ветер, вей.

Мы здесь в стране, где, в Смерть вступая.
Кветцалькоатль вошел в костер,
А с краю Моря, золотая,
Звезда взошла, и пел ей хор.

Перистый Змей, он сжег все тело,
Но сердце в пламени – живет,
И до верховного предела.
Восходит в синий Небосвод.

И там гора есть мировая,
На ней верхи – как города,
На ней все Небо, отдыхая,
Глядит, как светится звезда.

На той черте, где слиты вместе
Земля и Небо и Вода,
Как в храм идет жених к невесте,
В лазурной тьме идет звезда.

И нежный – нежный, паутинный,
Доходит свет в весенний сад,
Покров лучей, и сон жасминный,
Сплетенный Вечностью обряд.

IV

ЦВЕТОК ЦВЕТКУ

Цветок цветку, с пчелой звенящей,
Шлет золотистую пыльцу.
И к отдаленному концу,
Над обнаженностью и чашей,
Несется, с бабочкой летящей,
Пахучесть дум, двойной расцвет,
Восторг цветенья, светлый след,
Воздушность пляски в зыби струйной,
Дух благовонья поцелуйный.

Не так ли я тебе пишу
Мое воздушное посланье,
Которой – сердцем я дышу,
К которой – в сердце я дышу,
С которой тонкое слиянье
Мне обещает мотылек
Моих цветисто-струнных строк,
Качанье лунного дыханья,
Дабы возник медвяный сок,
Жасминный дух благоуханья.

V

ПЕСНЬ ЗВЕЗДЫ

С первым солнцем, с первой песней вешнего дрозда
У меня в душе запела звонкая звезда.

– Как, звезда? Но звезды светят, вовсе не поют. –
О, поют, лишь только в сердце песне дай приют.

Ты услышишь и увидишь, что с вечерней мглой
Звезды тихо запевают в тверди голубой.

И меж тем как Ночь проходит в синей высоте,
Песнь Созвездий звонче, громче в тонкой красоте.

Звонких громов, тонких звонов вышина полна,
Там серебряное море, глубина без дна.

Там безбрежность ожерельных, звездных волн поет,
От звезды к Созвездью нежность, сладкая как мед.

От звезды к звезде стремленье – в бриллиантах петь,

Лунным камнем засветиться, паутинить сеть.

Паутинить паутинки тех тончайших снов,
Для которых в наших взорах пир всегда готов.

Погляди же, ближе, ближе, здесь в мои глаза.
Ты не видишь как поет там звездно бирюза?

Ночь весеннюю я слушал до утра звезду,
И душа открылась Солнцу, и тому дрозду.

И душа открылась сердцу, твоему, любовь.
О, скорей на звездный праздник сердце приготовь.

VI

ЛАНДЫШИ

Ландыши вы белоснежные,
Не соты ль вы лунных пчел?
В шестигранные келейки нежные
Заоблачный сон вошел.

Вы сладостно, радостно дышите,
Душистый лелея сон.
Звоните тихонько, и слышите,
Лишь вы тот слышите звон.

Нет, не только. До самого звездного
Неба, где Полночь – бледна,
Где как будто бы в чарах морозного
Сияния светит Луна, –

Уходит напевами вольными
Колокольный ваш призрачный звон,
Над тенями берез тонкоствольными,
Призывая на свой амвон.

Проникаясь душисто молебнами,
Вплоть до лунных звоните вы сел,
И звонами тонко-хвалебными
Ответствуют сонмы пчел.

С Луною пчелы прощаются,
И вниз скользят по струне,
В ландыши внутрь помещаются,
И тихонько жужжат к Луне.

Вон видишь, в дома шестигранные,

В снежистость, в душистость вошли,
Золотистые, малые, странные,
Их не слышно в цветочной пыли.

Но не слышно лишь нам. Все ж в волнении,
Если ночью близь ландышей мы,
Словно в пенье мы, в мленье, в молении
Белозвонной мглы – полутьмы.

VII

ЛИШЬ БОГ

Лишь Бог – творец, лишь Бог – всезрящий,
Лишь Бог – над вихрями планет,
За ними, в них, везде, в грозящей
Провальной мгле, и в травке спящей,
В орле, и в ласточке летящей,
Лишь Бог – поэт.

Гремите, солнечные струны,
Звените, лютни бледных лун,
Пропойте «Бог» в морях, буруны,
Запомним все, пока мы юны,
Начальный звук венчальной руны:
Лишь Бог – колдун.

VIII

ДЛЯ ЧЕГО?

– Для чего нам Солнце засветилось сегодня?
– Для радости зренья лика Господня.
– Для чего же оно горело вчера?
– Для радости зренья лика Господня.
– А завтра зачем? – Чтоб воскликнуть: Пора!
Будем в радости зренья лика Господня.

IX

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Poiché vivo per te sólo.

Поскольку я живу только для Вас (*итал.*).

Люблю тебя, люблю как в первый час,
Как в первый миг внезапной нашей встречи.
Люблю тебя. Тобою я зажглась.
В моей душе немолкнущие речи.
И как мою любовь я назову?
Восторгом ли? Мученьем ли? Борьбою?
Ей нет конца, покуда я живу,
Затем что я живу одним тобою.

X

СТРУННОСТЬ

Oh quanto ti amo.

Ах, как я тебя люблю (*итал.*).

Завершены часы священных оргий.
Я знал. Любил. Безумствую. Люблю.
Застыв, как тень, в паническом восторге,
Биения моих терзаний дно.

Благоговейно, гимнами хорала,
Во мне поет бессмертная любовь.
Не говори, что блеска в жизни мало.
Благослови. Люби. Не прекословь.

XI

РАССВЕТ

С первым птичьим криком Ночь сломалась,
Зеркало хрустальное разбилось,
Травы зашептались, чуть шурша.
В озере все Небо отражалось,
Полночь в безглагольном отразилась.
Тихая, в безгласном задержалась,
Капли звезд из звездного ковша.

Но рука незримая качнулась,
Звездное качнула коромысло,
Капля с Неба свеялась к Земле,
И одна былинка шевельнулась,

Изменив серебряные числа,
Вся сребристость в числах пошатнулась,
Птицу разбудив в росистой мгле.

Вскликнула, и с легким этим свистом
Целый замок рушился молчанья,
И раздался всюду тонкий звон.
Птичий хор напевом голосистым
Двинул звуковые колебанья,
Шевельнул затоном серебристым,
И румянец бросил в небосклон.

ХII

АУ

Твой нежный смех был сказкою изменчивою.
Он звал, как в сон зовет свирельный звон.
И вот венком, стихом тебя увенчиваю,
Уйдем, бежим, вдвоем, на горный склон.
Но где же ты? Лишь звон вершин позванивает.
Цветку цветок средь дня зажег свечу.
И чей-то смех все в глубь меня заманивает.
Пою, ищу, «Ау! ау!» кричу.

ХIII

МАЙЯ

Я тебя восхваляю, о, Майя живая,
Трепетом струн.
Ты свой круг завершаешь, в сияньях вступая
В тринадцать Лун.
Ты везде со мною, где любовь огневая
Мне шепчет: Ты юн.
Ожерелье сплетешь, но жемчужины, тая,
Льются в бурун.
И буря хохочет, как ведьма седая,
Как злой колдун.
И буря разъялась, ты вновь голубая,
О, Майя, ты снова идешь, круговая,
В тринадцать Лун.

*1908. Апрельские Зори. Птичьи голоса
Долина Берез*

ГОЛУБАЯ ПТИЦА

I

ГОЛУБАЯ ПТИЦА

Я живу в дворце, чье имя – Царство Мая.
Прилетает к окнам Птица голубая,
Крылья у нее и перья – цвета дней,
Цвета голубых пространственных зыбей.
И поет та Птица. Говорит про время.
Мне как будто капли падают на темя.
Будто синих молний жгут меня лучи.
Дождь ли раскаленный? Не могу понять я.
Но, закрыв глаза, колдую я: – Молчи.
Вот, кому-то снова я раскрыл объятья.
Губы, в поцелуе, шепчут: – Навсегда.
Взоры, приоткрывшись, мечут блеск заклатья.
Изумрудны листья. Говорит вода.
Исчезает в даях Птица голубая.
И другие птицы плещут в Царстве Мая.

II

ИДУНА

Там, где древо мировое,
Там, где ясень Игдрозил,
Слышно пение живое,
И как будто звон кадил.

Это – пение Идуны,
И когда ты невзначай,
Проходя, услышишь руны,
Вложишь в струны вечный Май.

Это – пение Идуны,
На узорчатых ветвях,
Там, где яблоки – как луны,
И как солнца в облаках.

Это – пение Идуны,
Чей напев – рожденье струй,

Чьи глаза, лазурно-юны,
Необманный поцелуй.

Кто, любя расцветы в мире,
К Игдразилу подойдет,
Тот увидит лик валькирий,
Изопьет душистый мед.

Кто с Луной и с Солнцем в мысли
От зари и до зари,
Глянь, здесь яблоки нависли,
Встань, целуй, люби, бери.

Это – пение Идуны,
Верь в согласный звон кадил,
Дым от жертв и возглас юный
Вечно в Небо доходил.

Ш

ЛЕН

Лен две недели цветет.
Спеет четыре недели,
На седьмую же семя летит.
Лен – голубой небосвод,
Лен – во влюбленном Апреле
Звон предрассветной свирели,
В лунной ночи сталактит.
Лен – голубой он и белый,
Это есть два,
Лен в мировые уходит пределы,
Всюду сияет его синева,
Это четыре,
Ибо четыре есть таинства в Мире,
Север и Юг и Восток и Закат,
Белый и черный и красный и злат,
Если ж в пещеру мою, где горит
Лунное множество плит,
Если в пещеру
Лен поглядит,
Вот, мы исполнили меру,
Семь засветил ось, живет сталактит.
Семя летит,
Светится нежная бледность лица,
Весь осиян голубой небосвод,
Девять в нем лун, –
Чтоб дополнился счет.
Лен две недели цветет,

Им же не будет конца.

IV

ВЕНЧАНЫЕ

В саду проходит юный,
С ним рядом молодая.
В ветвях звенят им струны,
Ручей, с камней спадая,
Поет, поет, поет,
В цветах им светлый мед.
Невеста – Полночь Мая,
Жених, он кто? Узнай.
Он День, а может, Май?

На нем одежды красны,
На ней одежды черны.
Но оба так согласны,
Взаимности покорны.
Целует он ее,
«Ты все, ты все мое».
Ее мечты узорны,
Как бриллиант она
В оправе черной сна.

Жених – светловолосый,
Глаза его – зелены,
У ней же черны косы,
Глаза ее – затоны,
В них светлая печаль,
Прозрачней, чем хрусталь.
В саду проходят звоны,
Поют цветы, дыша:
«Влюбленность хороша».

Весь Май процеловались,
В Июнь зашли, не зная,
Заря с зарей встречались,
Любовников встречая.
И свет вошел во тьму,
И все отдал ему,
Бледнея, Полночь Мая
С Июньским нежным днем
Растаяла огнем.

СЕМИК

Семицкая неделя – зеленая, русальная,
Часы Зеленых Святок, во всем году единые,
В душе тоскует сказка, влюбленная, печальная.
И быстро разрешится в те ночи воробьиные.
Вот девушки. Куда они? Лесной мечтой дышать.
Вот девушки. Куда они? Кукушку провожать.
Семик, четверг зеленый, березка завита.
О чем же ты тоскуешь, стыдливая мечта?
Влечет река во влажность, течет река хрустальная.
О, девушки, куда вы? Русалки защекочут вас.
А если не войдете, прощай мечта венчальная.
О, девушки, куда вы? Русалки захохочут вас.
Войдешь в реку, забудешься, утонешь ты в воде.
Уйдешь от вод, и сон уйдет, и нет его нигде.
О, девушка, войди в хрусталь, но в воды травку кинь,
Спасет тебя одна трава, печаль, печаль, полынь.

VI

ТЕЛО ИГРАЕТ

Тело играет,
Душа глядит.
Тело в лугах незабудки собирает,
Тело уходит в скит.
Маки срывает, меняет свой вид,
В страшности, в страстности входит, взирает.
В полдни и в ночи себя убирает,
Выхватит нож,
Скажет – хорош.
Сплетет, заплетет без конца поцелуи.
Брызнет – огни. И огни хороши.
Вечные струи.
Все ж у души
Взора оно не смутит.
Вот оно снова, по пыльной дороге, на Храм собирает.
Тело играет,
Душа глядит.

VII

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Могучий рог, изогнутый и полный,
Пьянящим медом – предо мной.
Я пью, я пью, живительные волны
Умчали душу под Луной.

О, Царь-Деввица, Лебедь вековая,
Как искрометен этот мед.
Он стар, он стар, и потому, живая,
Волна в душе моей течет.

И этот рог, что ты, о, Царь-Деввица,
Мне поднесла, становится жезлом.
И я царю, и ты горишь, зарница,
Мы будем молнией вдвоем.

И этот рог, что ты, о, Царь-Деввица,
Мне поднесла, становится рулем.
И мы скользим, летит двойная птица,
И мы плывем, и мы плывем.

VIII

ЦВЕТ НОЧНОЙ

В мозг мой, в зрение, и в слух
Влился нежный женский дух.
И в душе расцвет цветка,
Имя – девичья тоска.

Этот, ласковый цветок
Между травок одинок.
Как вечерний слышен звон,
Голубой и белый он.

А как Ночь на высоте
Звезды мчит к одной черте,
Он, меняясь каждый час,
Смотрит глубиью жадных глаз.

То засветится как трут,
То блеснет как изумруд,
То ласкательно-лучист
Задрожит как аметист.

В малом домике пожар,
В храме свечи – Божий дар.
Опрокинувшись в воде,
Кличет в глубь звезда к звезде.

В спадах вод хрустальный звон,
Целый лес заморожен.
В безглагольности озер
Звездно-зыбкий разговор.

А как Ночь на высоте
Отойдет к своей черте,
На прогалине лесной
Расцветает цвет иной.

Он как рдяность нежных ран,
Застыдился, он румян,
Он горит, не хочет ждать,
Хочет вовсе красным стать.

IX

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Лунный камень, тихий пламень, тихий пламень, не простой,
То прозрачный, то туманный, сребротканый, золотой.
То скользящий, словно в чаше луч-фонарик светляка,
То грозящий, словно в чаше ждет колдун исподтишка.
То как тайна Океана, что, седой, бессмертно-юн,
То как ранний свет тумана, то как звоны дальних струн.
То как раковина Моря, что как будто бы горит,
А как будто не для глаза, а для слуха говорит.
То как змейный свет опала, то как сказка жемчугов,
Как церковный звук хорала в час спасенья от врагов.
То как верба в ночь ущерба, или в первый миг серпа,
Лунный камень, струнный пламень, от тебя в тайник тропа.

X

МАЗУРКА

Я видел, как ты танцевала мазурку,
Легко ты скользила в волне звуковой,
И вдруг я увидел – Снегурку – Снегурку,
Растаяла – тучкой летит пред Луной.

Не Солнце пресветлый твой лик озаряло,
Лучи серебристой Луны,
И было воздушно твое покрывало,
И бледные пели в свирельностях сны.

XI

ВСЕЗВЕЗДНОСТЬ

Я хотел бы быть последним между первыми вождями,
Я держал бы стремя Богу, видя сонмы звезд над нами,
Я служил бы как невольник тем, в которых все – свобода,
Я бы каплей, каплей вспыхнул в пресечение Небосвода.

XII

ПО БЛЕДНОЙ ДОЛИНЕ

По бледной долине приходят, уходят, проходят несчетные духи,
Там юноши, взрослые, малые дети, и старцы идут, и старухи.

С Востока на Запад, с Заката к Востоку, и снова на Запад с Востока,
Приходят, уходят, и ходят, и бродят, не знают ни часа, ни срока.

Встречаясь, качают они головами, и шепчут о благодати Бога,
И все, проходя, проиграют цепями, и вечно, и вечно дорога.

И вдруг от Востока на Запад прольется разливное красное пламя,
Один усмехнется, другой ужаснется, но каждый почувствует знамя.

И вдруг от Заката к Востоку вернется и золото, и бархат, и алость,
И духи считают, колдуют, гадают, пока не сомнет их усталость.

Тогда, бесконечно взывая о мести, о чести, о славе, о чарах,
Несчетные духи, согбенно, проходят, как тени, в безмерных пожарах.

По бледной долине, в пустыне, как в сплине, донныне безумствуют духи.
И юноши седые, и дряхлые дети, и юны, меж старцев, старухи.

XIII

ЦАРИ СИЯНЬЯ

...Цари сиянья отошли,
Они разгневались на это.
И, старым, нет нам больше света,
Он только там, вверху, вдали.

Лазурные престолы пусты,
Всецельность превратилась в топь,
В периодическую дробь,
И мраки Ада цепко-густы.

Когда ж окончится наш срок,
И снова будут дни молодые,
И снова стебли золотые
Взнесут лазоревый цветок?

XIV

ОДИНОЧЕСТВО

Я боялся людей, презирал, ненавидел их,
Через это прошел я, и рубеж навсегда перешел,

Как могу их винить, если Рок мировой всех обидел их?
Я один, но безгневно над темными шествиями зол.

Здравствуй, еще и еще, Одиночество,
Я зажег тебе тихую вечернюю свечу,

И немые, как лампада, тайные пророчества
Я качаю в душе, и молчу.

XV

ПТИЦА

И птица от меня летела по Вселенной,
Когда я замолчал на темной высоте.
Внизу крутился вал, дробился, многопенный,
И птица от меня летела по Вселенной,
Непобедимая в крылатой красоте.

Мелькали корабли, как тени в тусклом свете,
Поднявши стержни мачт и зыбя паруса.
На каждом корабле бледнели старцы-дети,
И всюду брат с сестрой, сквозь сон тысячелетий,
Играли в поцелуй, в цветке была оса.

Все было сказано. Кто хочет, будет пленный.
Кто хочет, примет страх чрез Царскую Печать,
И будет враг Земли, и будет враг Вселенной.

Но вал к скале придет, и брызнет сказкой пенной.
И буду я стоять. И думать. И молчать.

*1907. Maizo pazzo. С высокой башни
Париж. Пасси*

ПЛЯСКА ЗНОЯ

I

ОН

Хотя он похож на Огонь, он незрим.
Он был, когда не было жалобы: – «Было».
Века перед ним – как молитвенный дым.
А Солнце и Звезды и Месяц – кадила.

Он смотрит в сердца замолчавших людей,
Где страшные вдруг встают вереницы.
В зрачках он у тигров, в улыбках детей,
И в малом он горле распевшейся птицы.

II

МЕСТО МОЕ

Место мое – на пороге мгновенья,
Дело мое – непрерывное пенье,
Сердце мое – из огня,
Люди, любите меня.

Счастье мое – в светловзорной измене,
Сказка моя – и в глубинах, и в пене,
Голос мой манит, звеня,
Звезды, любите меня.

III

ПО-МОРСКОМУ

В Море, с Морем, по-морскому,
Только грому помолясь,
Я баюкаю истому,
Радость знать перунный час.

Было, будет только это,
Радость лета и весны,
Брызги взрывчатого света
С бурно-взрытой вышины.

Радость молний преломленных,
Пир стозвонных павших плит,
Алый храм в морях бездонных,
И в пожаре – Световит.

IV

МИНУТКА

Дать,
Взять,
Угадать.
То как друг,
А то как тать.
Вечно дева,
Вечно мать,
Звук напева,
Луч мечты,
Крылья молний,
Это ты.

V

АТОМ

Атом – Ангел, вспышка в Море,
Человека не хочу,
Я огонь в немом узоре,
Лучший возглас в разговоре,
В мире битв – молюсь мечу.

Дай мне вечность – опрокину,
Я есмь я, и каждый – я,
Не хочу входить в картину
Как черта, и, вольный, стыну,
Но моя мечта – моя.

VI

ОТ АТОМА

От атома – до человека,
От человека – до богов,
И в долгий век Мельхиседека
От звона мигов и часов.

От неподвижности – в самумы
Взметенно-зоркой быстроты,
От тиши – в грохоты и шумы,
В разломы цельной красоты.

Да будет. Это все приемлю.
Отец мой – Ум, и Воля – мать,
Но я слепил из точек землю,
Чтоб снова точки разметать.

VII

АТОМЫ ВРЕМЕНИ

Мы в извивных
Вспевах взрывных,
Мы втекаем в Да и Нет.
Мы в Безликом
Лик за ликом,
Иней звуков, прах примет.

Мы свеченье,
Зыбь течения
В Океане мировом.
Дрожь в намеке,
Малость, строки,
Буквы в рунах, песнь в немом.

Мы забытость,
Глянцевитость
Всеокружного жерла.
Миг живем мы.
Но поем мы,
И звучат колокола.

Мы снежинки,

Паутинки,
В капле влаги – миллион.
Он рыдает,
Не считает.
Но творим мы Небосклон.

Он смеется,
В тайнах вьется,
Все же знаем мы, кто Он.
В лик – от лика,
В песнь – от крика,
В хороводности Времен.

VIII

НАЧЕРТАНИЯ

Круговой полет планет,
Их сплетенья в темноте,
Полосой идущий свет
Метеоров и комет,
Ужасающих примет
В говорящей пустоте.

Это все – мои черты,
Начертанья вещей рун,
Это – я, я это – ты,
Чтоб над бездной пустоты
Были звездные цветы
В нескончаемости струн.

IX

ОГНЕННАЯ ЖАТВА

Клокочет огненное море,
Горят зловещие румянцы,
На Солнце рушатся в просторе
Вскипанья чувств, протуберанцы.

Что в Солнце в этот миг боролось?
Узнать ли нам, теням пожара!
Но в нем горел гигантский колос,
Свершилась жатвенная чара.

Х

СУХОЙ ПЕРУН

Сухой туман, когда цветенье нив –
Проклятье дней, хлебов плохой налив.
У нив зарницы даже – на счету,
Сухой Перун – сжигает рожь в цвету.

Сухой Перун – роняет в травы ржу,
И чахнет цвет, что радовал между.
Перун желает молний – из зарниц,
Небесных – должен он пьянить девиц.

ХІ

ПОЛОНЯННИК

– Почему ты, дух свирельный,
Вечно носишься, кружишься,
Ни на миг не отдохнешь?
На качели ты метельной,
Вправо, влево, к дали мчишься.
– Я – плененный. – Это что ж?
– Надо мной обряд крещенья
До святого завершенья
Не был доведен.
Потому что поп был пьяный,
Был он рваный и румяный.
Опрокинул свечи он.
Разукрасил крест цветами,
Говорит: «Веселье с нами.
Благовестье бытия».
И вина он налил в воду:
«Это душам даст погоду».
А погода, это – я.
– Что же дальше? – Я – влюбленный,
Дрожью звуков полоненный,
В брызгах, в прихотях Огня.
Раб себя, страстей свободных,
Полоняник Чернородных,
Носят Дьяволы меня.
Посижу – и вдруг соскучусь,
Погляжу – совсем измучусь.
Где я? Что я? Запою.
Все по-новому о старом.
Все бы дальше, все бы к чарам.

Вею, рею, вею, вью.

XII

МАК

Кто маки срывает,
Тот гром вызывает,
В Брабанте сказали мне так.
И вот почему я
Весь вздрогну, ликуя,
Дрожу, приметивши мак.

XIII

ДВЕ РЕЧИ

Есть обиходная речь,
Это – слова,
Которыми жизнь в ежедневном теченье жива.
А для единственных встреч
Двух озарившихся душ, или тел,
Есть и другая, напевная речь.
Ветер ее нам однажды пропел,
Видя в лесу,
Между трав,
Как в просветленности нежных забав
Любовь целовала красу,
Ветер ее прихотливо пропел,
И закружился, и прочь улетел.
В этот же час
Сад был от яблонь влюбляюще-бел,
И по Земле, в отдаленный предел
Сказка любви понеслась,
В трепете белых, и всяких цветков,
В пении птиц, и людей, и громов.

XIV

СТРЕЛА

Говорят – полюби человеков.
Хорошо. Только как же мне быть?

Ведь родителей должно мне чтить и любить?
Кто ж древнее – Атлантов, Ацтеков,
Ассириян, Халдеев, Варягов, Славян?
Коль закон – так закон. Нам он дан.
Человеков люблю – в ипостаси их древней,
Глаза были ярче у них, и речи напевней,
В их голосе слышался говор морей,
Луной серебрились их струны,
О богах и героях вещали им руны,
И клинопись им возвещала о мощи великих царей.
Но руны, и клинопись – стрелы,
Острия,
Бьющего метко, копья.
Уходите же вы, что в желаниях бледных не смелы,
Человеки, в свои удалитесь пределы.
Лук дрожит. Догони их, вестунья моя.

XV

ПЕРЕВАЛ

Справа – горы, слева – горы,
Справа, снизу, там узоры
Задремавших сел.
Слева – кручи, слева – тучи,
Слева слышен зов певучий,
То прорвался ключ гремучий,
И завел,
Мысль повел он по извиам,
В беге срывном и счастливом
Пляшет он по склонам скал,
Вот запал,
Вот юркнул,
В царстве камня потонул,
Снова, ящерицей, глянул,
Залукавил, промелькнул,
Снова скрытности оставил,
Вырос, поднял целый гул,
Закурчавил
Гребни скал,
И отсел,
Миновавши перевал,
Влево – влево он ушел,
И рокошет, не устал,
И от выси в самый дол
Свеже-брызжущую влагу лентой светлою провел.

XVI

НЕБЕСНЫЙ БЫК

На золотых рогах
Небесного быка,
В снежистых облаках,
Где вечная река, –
В лазури высоты,
Слились живым венком
Багряные цветы
Над сумрачным быком.
Возрадовался бык,
Возликовал, стень,
Любить он не привык
Без громного огня.
Он гулко возопил,
И прокатился гром,
Как будто омут сил
Взыграл своим жерлом.
Прорвались облака,
Небесный глянул луч,
Три сотни для быка
Коров стоят вокруг.
И в празднике огня
До каждой есть прыжок,
И каждая, стень,
Любовный знает срок.
И сладостен разрыв
От острия любви,
И много влажных нив
В заоблачной крови.
А к вечеру вдали
Зажглась в выси звезда.
И на ночлег пошли
Небесные стада.

XVII

ВЕДОГОНЬ

У каждого есть ведогонь.
Когда ты заснешь, он встает,
В крылах его дышит полет,
Осмотрится, дунет, идет,
Окреп, улетает, не тронь.

Он волен, когда мы во сне.

И разный нам видится сон.
Вот птица, лазурь, небосклон,
Не мы это видим, а он,
И тонем мы с ним в вышине.

Вот ветер бежит по цветам.
Красивый с красивой, их два,
Бессмертная сказка жива.
Целует. И дышит трава.
Заснувшим так сладко устам.

Вот ссора, чудовищный вид.
С ножом ведогони, беда,
Открылась и льется руда,
Ты спишь, ты уснул навсегда.
Смотри. Ведогонь твой убит.

XVIII

ЕДИНО-РАЗНЫЙ

Мы вносимы
В светы, в дымы,
Мы крутимы
Без конца.
В светозарный
Гром ударный,
В мрак сердец и в свет лица.

Но покуда
Есть Иуда,
Есть и чудо
Для людей.
Светлый мститель,
Искупитель
Омрачающих страстей.

И покуда
Нам отсюда
Изумруда
Светит свет,
Мчит нас белый
Бог – в пределы
Красных солнц и всех планет.

XIX

СЕМЬ

Из дыханья – камень красный,
Из воздушного – ужасный
По громозкости бесстрастной.

А из камня, из забвенья,
Из земли, отяжеленья –
Изумрудное растенье.

Из растенья, из ночлега
Тайно-жаркого побега –
Зверь, взглянуть – так это нега.

А из зверя, встал из зверя, –
То богатство, иль потеря, –
Человек, всебожность мера.

Из него, из человека, –
То силач, или калека, –
Бог растет в века из века.

Бог встает, за богом боги,
Бесконечные дороги,
Многи мраки, звезды многи.

Это – шесть, но семь – священо,
Выше бога, неизменно,
Что на Вечном – в миге пенно.

XX

ВСЕБОЖИЕ

В водах есть рыбы, – и боги есть рыб.
В воздухе птицы, – есть боги крылаты.
В травах свернулась змея вперегиб, –
Вещий есть Змей, бог любви, хоть проклятый.
Боги лесные – как волки глядят.
Боги ночные – как враны.
Боги дневные – как солнечный взгляд,
Боги бесчасья – слепые туманы.
Люди всегда о богах говорят,
Им отдают все несчетные страны.
Сами богами над Миром мы здесь
Будем, – он наш будет весь!

XXI

ВЫЗОВ

Бряцать на кимвалах – умерших религий,
Вериги носить – отошедших веков,
И вечно быть в букве, и вечно быть в книге, –
Довольно. Я в бунте. Довольно оков.
Я только оставлю, там в сердце лелея,
Зелено – Перистого Змея себе,
Волшебного Фея, цветистого Змея, –
И вызов бросаю Судьбе!

XXII

ПЕСНИ БЕСОВСКИЕ

Песни бесовские, песни приязные,
Мысли мирские, плесканья, плясания,
Были вы прокляты, звезды алмазные,
Подслеповатость гнала вас в изгнание!
Гнали вас, пляски Весны хороводные,
Вот и загнали в леса изумрудные,
Любо скликаться вам, птицы свободные.
Сколь вы прелестные, сколь многочисудные!

XXIII

ДЖЭЛАЛЬЭДДИН РУМИ

Тот, кто знает силу пляски,
В том, как в вихре, светит Бог,
Ибо смерть он знает в ласке.
Алла – гу!
В дальнем, в близком, в вышнем, в низком,
В миге Вечность, в буре вздох,
Знает он любви смертельность.
Алла – гу!

*1907. Золотой Сентябрь. Зеленый Океан
Souillac-sur-Mer
Villa Ave Maria*

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА

*Посвящаю мое видение
бессмертной памяти провидца наших дней,
Словацкого*

Tu król, co jękiem harf zwyciężyć mniema
I głośniej grac... niż mrący ludzie jęcząca
Slowacki

1. БАЮ

Я только знал, в те дни, в те дни единственные,
Когда был юн, я знал лишь звоны струн,
Лишь орлий крик, огни, и сны таинственные,
Поцеловать, и вбросить в девять лун.
Найдя цветок, сорвать его с медлительностью,
Чтоб взять слегка с цветка цветочный сок,
И вдруг уйти, пленивши ослепительностью,
Чтоб жил в другом намеке, всегда намеке.
И в чем была та сила-чаровательница,
Что мне дала такой изведать путь?
Не знаю, нет. Привет тебе, ласкательница,
Ты пела мне: Заставь их всех уснуть.
Баюкал я своими колыбельностями,
Качал мечту, качели хороши.
Из грёзы – жизнь, с обрывками и с цельностями,
«Баю» любви, к душе «баю» души.

2. ЭТО БЫЛО

...Это было, это было, и не будет вновь,
Потому что только Сила говорит: «Мой час готов!»
Потому что даже дети – детства лишены,
И в войну играют в детской, слыша резкий свист Войны.
Все, что было затаенно, выявилось вдруг,
Гнойность злорадия, обид, и гнета, расширяющийся круг.
Там, вовне, готовят пушки, шепчется лиддит,
Здесь, под тенью перекопанных пляшет пляску динамит.
Обезумевшие братья – злейшие враги.
Револьвер, кинжал, и петля. Мести за месть. И грабь. И жги.
О, безумны те, что шутят силою Огня.
Бойтесь жизни больше казни, раз убийство шутка дня.
Подождите! Бой неравен. Пресеките нить.

Лучше быть сто раз убитым, чем хоть раз один убить.
Подождите! Претерпите пытку до конца.
Я клянусь вам: будет праздник Озаренного Лица.
Но в то время как я спорю с вихрями времен,
От расстрелов и пожаров стал весь красный небосклон.
И в то время как на ниве в маках вся межа,
Мальчик мой принес из детской два блестящие ножа.

3. ПЕСНЯ ОРЛИНАЯ

Я долго медлил и внимал
Напевам вышнего орла.
Луна была как бы опал,
Лик Солнца был воздушно-ал,
Как будто кровью истекал,
И кровь уж бледною была.

То не был день. Ни день, ни ночь.
Я был на бархатном лугу.
О, пой, орел! Пророчь, пророчь!
Пропой: Все было так точь-в-точь,
В века умчавшиеся прочь,
На Сумерийском берегу.

На многобожном берегу,
В затоне стран, в реке времен,
Где враг был волчьи рад врагу,
И пел кроваво: «Все могу!»
И кедры высей гнул в дугу,
Чтоб был отстроен Вавилон.

Смотри, орел, мы тоже здесь
Воздвигли тридцать этажей.
Мы Шар Земной сковали весь,
У вышних туч мы сбили спесь,
Над Шаром шар пустили днесь,
Превыше свиста всех стрижей.

Смотри, достигнем и тебя.
Орел певучий и седой.
Воздушный флот идет, губя
Тех, кто в лелеянье себя
Слабее нас. Гляди: дробя,
Мы взрыв бросаем золотой.

Кто смел восстать на наше Мы,
И наше обмежить Хочу?
Внизу там были воинств тьмы,
Но мы прошли быстрее Чумы,

Из вашей облачной сумы
Им выслав пламя – саранчу.

Над Шаром – шар. Весь Шар земной
Единой Воле подчинен.
Еще немного, и с Луной
Мы многоцветной пеленой
Сплетемся в шар один, двойной,
И дальше, в Звездный Небосклон!

Так пел я, клетоту внемля,
Что раздавался с высоты.
Вдруг, словно якорь с корабля,
Орел упал. И вольно, для
Полет, парит – и где Земля!
Я с ним. – Ну, что же, видишь ты?

Я видел. Чем я дальше плыл,
Тем больше таял круг Земли,
Земля была среди светил
Как бы кадило меж кадил,
Меж точек точка, свет могил,
Земные Чары все ушли.

Но, удаляясь от Земли,
Я не приблизился к Луне,
И Звезды Неба шли и шли,
Звезда к звезде, стада вдали,
В снежисто-блещущей пыли,
В недостижимом Огне.

И вдруг я вскрикнул в звездной мгле,
И вдруг упал орел седой.
Я был в воздушном корабле, –
Лежу разбитый на Земле.
Орлиный дух познав в Орле,
Кому ж скажу я: «Песню спой!»

4. КОМЕТА

По яйцевидному пути
Летит могучая комета.
О чем хлопочет пляской света?
Что нужно в мире ей найти?

Рисует вытянутый круг,
Свершает эллипс трехгодичный,
И вновь придет стезей обычной,
Но опрокинется на Юг.

Она встает уж много лет,
Свой путь уклончивый проводит,
Из неизвестного приходит,
И вновь ее надолго нет.

Как слабый лик туманных звезд,
Она в начале появления –
Всего лишь дымное виденье,
В ней нет ядра, чуть тлеет хвост.

Но ближе к Солнцу, – и не та,
Уж лик горит, уж свет не дробен,
И миллионы верст способен
Тянуться грозный след хвоста.

Густеет яркое ядро,
И уменьшается орбита,
Комета светится сердито,
Сплошной пожар – ее нутро.

Сопrotивляется эфир
Ее крылатости в пространстве,
Но Солнце в огненном убранстве
К себе зовет ее на пир.

К себе зовет ее, прядет
Вселенски-светлые дороги,
И луны, в страсти – крутороги,
Ведут венчальный хоровод.

Верховная пылает даль,
Все уменьшается орбита.
В Жар-Птицу Ночи – воля влита
Все уже скручивать спираль.

Пол-Неба обнял рдяный хвост,
Еще пронзенья и червонца,
И взрывность рухнет на Солнце,
Средь ужасающихся звезд.

*1908. Ночи Зимние
Беркендаль*

В БЕЛОЙ СТРАНЕ

Псалом Безмолвия свершается сгорая,

*Горит закатами пустыня ледяная,
Разъявшаяся ширь загрязивших стихий,
Безгласность ясная Полярных Литургий.*

*Над морем Белизны багряная завеса,
Здесь царство хрусталей, здесь нет полей и леса.
Ряд белых алтарей, глядящих в Небо, льдов,
Всходящая мольба, без просьб, Псалом, без слов.*

В БЕЛОЙ СТРАНЕ

Небо, и снег, и Луна,
Самая хижина – снег.
Вечность в минуте – одна,
Не различается бег.

Там в отдалении лед,
Целый застыл Океан.
Дней отмечать ли мне счет?
В днях не ночной ли туман?

Ночь, это – бледная сень,
День – запоздавшая ночь.
Скрылся последний олень,
Дьявол умчал его прочь.

Впрочем, о чем это я?
Много в запасе еды.
Трапеза трижды моя
Между звезды и звезды.

Слушай, как воеет пурга,
Ешь в троекратности жир,
Жди, не идет ли цинга,
Вот заверченный твой мир.

Жирного плотно поев,
Снегом очисти свой рот.
Нового снега посев
С белою тучей идет.

Вызвать на бой мне пургу?
Выйти до области льдов?
Крепко зажав острогу,
Ждать толстолапых врагов?

В белой холодной стране
Белый огромный медведь.
Месяц горит в вышине,

Круглая мертвая медь.

Вот, я наметил врага,
Вот, он лежит предо мной,
Меч мой в ночи – острога,
Путь мой означен – Луной.

Шкуру с медведя сорву!
Все же не будет теплей.
С зверем я зверем живу,
Сытой утробой моей.

Вот, возвращусь я сейчас
В тесную душность юрты.
Словно покойника глаз
Месяц глядит с высоты.

Стала потише пурга,
Все ж намечает мой след.
Тонет в пушинках нога,
В этом мне радости нет.

Впрочем, кому же следы
В этой пустыне искать?
Снег, и пространство, и льды,
Снежная ледяная гладь.

Я беспредельно один,
Тонут слова на лету.
Жди умножения льдин,
Дьяволы смотрят в юрту.

* * *

Я из бедной страны.
– Кто сказал? Кто сказал? –
Я из бедной страны.
Лета нет. Нет весны.
День мой мал.

Ты из пышной страны.
– Кто сказал? Кто сказал? –
Ты из пышной страны.
Нежны чары Луны.
Свежи снежные сны.
Жив кристалл.

Шесть безумных смертей.
– Кто сказал? Кто сказал? –

Шесть безумных смертей,
Шесть тридцатостей дней,
Шесть безумных ночей.
Я устал.

Шесть негаснущих дней.
– Кто сказал? Кто сказал? –
Шесть негаснущих дней,
Шестью тридцать огней,
Шесть костров, все светлей.
Вот, ты ал!

– А потом? Что потом?
– Кто сказал? – Я сказал. –
– Ты, с горячим лицом? –
– Я, вещун. Что потом? –
– Смерть с венцом. – Смерть с концом?
Я упал.

* * *

Явились, вот, один, другой,
И третий, и четвертый.
Их не ударишь острогой,
Не ткнуть рукой, не пнуть ногой,
Здесь лишь глядеть на мертвый рой,
Здесь тени распростерты.

Их пронизая острием,
Не достигнешь ни мало.
Не отступают пред мечом,
Они во всем, они ни в чем,
И каждый смотрит палачом,
Твердя: Конец – начало.

Четвертый, пятый, и шестой,
Седьмой, восьмой для круга.
Тринадцать их передо мной,
Темнеют, зыбься пеленой,
Вне чисел вьются под Луной,
От Севера до Юга.

Восток захвачен и Закат,
И верх и низ – все в мире.
Везде на тень наткнется взгляд,
Грозящий призрачностью Ад,
Три измеренья, говорят,
Они твердят – четыре.

Замкнись, – недостоверна дверь,
Проходят через стены.
Смешались – завтра и теперь,
И верь себе или не верь,
Кругом – тысячеглазый зверь,
Поток с мерцаньем пены.

Какой бы маленький предмет
Ни встал передо мною,
За ним зловещий тенесвет,
За ним, пред ним ползучий след,
Бесплотный дух, что мглой одет,
И оживлен Луною.

Замкнулся наглухо в юрте,
Но ждать недолго буду.
Какой-то шепот в духоте,
И чей-то хохот в темноте,
Пришли, сошлись, густеют – те,
Со мной, во мне, повсюду.

* * *

Тюлень. Пингвин. Глупыш.
Снега. Мерцанье. Тишь.

Ищи. Хоть целый день.
Глупыш. Пингвин. Тюлень.

Пройди. Весь снег до льдин.
Тюлень. Глупыш. Пингвин.

И сам я отупел.
Слепит простор. Он бел.

И сам я стал как зверь.
Все дни одно – Теперь.

Гляжу, перед собой.
Сижу, слепой, тупой.

Себя не различишь.
Снега. Мерцанье. Тишь.

* * *

Белоглазые пингвины,
Сумасшедший птичий дом.
Брюхом белы, черны спины,
И как будто мыслят ртом.

Уж не молятся ли Богу,
Чтобы пищи он послал?
Нужно ж есть хоть понемногу,
А живот у них немал.

Вверх поднявши клюв прожорный,
Позабыл летать пингвин,
Брюхом белый, задом черный,
Растолстевший господин.

С неизвестной мглой не споря,
Угол взяв за целый мир,
Получает ренту с моря
И с земли двойной банкир.

Вместо крыльев, культы – руки,
Пища – снизу, что ж летать.
С Небом лучше быть в разлуке,
Близко, низко, тишь да гладь.

Паралитики для лета,
Отреклись в своем крыле
От небесного намета,
Чтобы ползать по земле.

На побережье, в числах цельный,
Раздаваясь в даль и в ширь,
Многобрюшный, многотельный,
Сытый птичий монастырь.

Вон проходят над волнами
Чернобелою толпой,
И культяпыми крылами
Помавают пред собой.

Вон, напыжившись, яруют.
Два и два, откинув лбы,
Шеи шеями целуют,
Привставая на дыбы.

Предполярное виденье,
Альбатрос наоборот,
Птица – земность, отупенье,
Птица – глупость, птица – скот.

* * *

– Дьявол, кто ты? – Ветер, Ветер.
– Что ты ищешь? – Я свищу.
– Что ты ищешь? – Долю, волю.
Вьюсь, свиваюсь, трепещу.
Возрастаю в вихре свиста.
Замираю, чуть шепчу.
Медлю там, где степь цветиста.
Моровую язву мчу.
– Дьявол, Дьявол, для чего же
Ты цветы смешал с чумой?
– Иль не все одно и то же?
Мчать что мчится – праздник мой.
И ужели не пригоже
Цвет цветет разъятых ран?
Красен мак, и язва – тоже.
Я – прохожий чрез туман.
– Ты – жестокий! Дьявол, Дьявол!
– Зззить! – Качнулася Луна. –
– Стой! – Куда там! Скрылся Дьявол.
Полночь. Сумрак. Тишина.

* * *

Если б мне хотя вина,
Этой огненной воды!
Был бы бочкой я без дна
От звезды и до звезды!

Я бы выпил за снега,
Раз в снегах мне жить дано.
Я бы выпил за врага,
Раз сражаться суждено.

Я бы выпил за себя,
Раз родился я такой.
Винный кузов теребя,
Упивался б день-деньской.

А теперь? Я пью лишь кровь,
Да густой, как деготь, жир,
Чтоб идти за зверем вновь,
Обеспечить скучный пир.

Я пьянею лишь тогда,
Как от лунной темноты
И от ветра, иногда,

Мерно пляшет дверь юрты.

И ручной пингвин в тиши
Трется об ноги мои,
И змеиности души
Я качаю в забытьи.

* * *

Я нашел, как развеять мне скуку,
Как быть светлым мне в муке моей.
Я от Ветра разведал науку
Быть веселым в напеве скорбей.

Запою, заведу, загуторю,
Сам с собой без конца говорю.
Не позорно ль быть преданным горю?
Можно в сердце затеять зарю.

Всю равнину от края до края
Я прошел в этом царстве снегов.
И певучие руны слагая,
Заносил их на снежный покров.

И пройдя по зеркальности синей,
Начертал я заклятья на льду,
Опушил их серебряный иней,
Заманил в заговор я звезду.

Проиграло мне хором Молчанье
Безглагольную песню свою.
Из снегов предо мной изваянья,
Я в них жизнь заклинаньем впою.

Этим Месяцем желтым, ущербным,
Покачнувшим златые рога,
Сохранившимся прутиком вербным,
Я велю вам: Живите, снега.

Оживляются странные лики,
Много созданных снежных людей.
Если б было немного брусники,
Я б раскрасил в них пламя страстей.

Подожду, как совсем покраснеет,
Пред ущербом последним, Луна.
Капли три она крови мне светит,
Я их вброшу, в их сердце, до дна.

* * *

Снежные люди устроены,
Снежные боги при них.
Люди, как каста, устроены,
Бог – дополнительный стих.

Месяцем боги отмечены,
Кровью ущербной Луны,
В членах они изувечены,
Быть как отдельность должны.

Те, – как болезнью слоновую
Важно распучив живот, –
С алчностью смотрят суровою,
Мир это пища им в рот.

Те, развернув семипалые
Руки, по тысяче рук,
Зубы оскалили алые, –
Надо почтенья вокруг.

Те, разукрасившись блесками, –
Женская будет статья, –
Вместе с мужчинами – тезками
Славят восторг бытия.

Груды у них поразвешаны
Вроде как будто лозы,
Взоры глядящих утешены,
Даже до нежной слезы.

Дальше герои вельможные,
Палица в каждой руке,
Это – столпы придорожные,
Дамбы в великой реке.

Если без них, так разъедется
Влага в чрезмерный разлив,
Лоб здесь у каждого медится,
Каждый охранно красив.

Дальше – со лбом убегающим,
Это советники все,
Взором мерцают мигающим
В мудрой и хитрой красе.

Зная, что столь предпочтителен
Зад пред неверным крылом,

Их хоровод умиротелен,
Каждый мешок здесь мешком.

Дальше – фигуры медвежие,
Храбрости бравый оплот,
Кровью помазаны, свежие.
Сильные, добрый народ.

Я освятил их заклетьями,
Кровью своей окропил,
Будьте здесь слитными братьями,
Связью устойчивых стропил.

Я освятил их напевами,
Кровью и птиц и зверей,
Будьте как юноши с девами,
В страсти любовной своей.

Я освятил их гаданьями,
Кровью ущербной Луны,
Будьте моими созданными,
Будьте, хочу, вы должны.

Я прохожу в этом множестве.
Кровью я лики кроплю,
Царствуйте здесь в многобожестве,
Каждого я люблю.

Будут вам жертвы багряные,
Алости снова и вновь,
Капли кроплю я румяные,
Чару влагаю я в кровь.

* * *

Я из белой страны.
– Кто сказал? Кто сказал? –
Я из белой страны,
Я из белой страны.

* * *

Прежде, видя, как снежинки
В воздухе летают,
Говорил я: серебрянки,
Говорил: с цветов пушинки,

Стаи фей летают.

И конечно. Ведь красивы.
Ишь как шелушатся.
Заплетаются в извивы,
И летят, как хлопья ивы,
Пухом вниз ложатся.

Да постой. Не так уж глуп я.
Знаю те алмазы.
Да, узнал. Не так уж туп я.
Это – кожа, это – струпя
Моровой Проказы.

Там на Севере, седая,
И еще на Юге,
Спит Проказа мировая,
И скребется, восставая,
На Полярном круге.

Позевает, поскребется,
Налушит лохмотий,
Глянет, плюнет, и ругнется,
Туча на небе сберется,
Тут на повороте.

На углу ворот Полярных,
Ведьминому сказу
Послушая, в клубах парных
Накопила снов угарных,
Понесла заразу.

На зеленые поляны
Дунет, все повянет.
Заморозила туманы,
Бросит между трав изъяны,
Мертвый узел стянет.

И посыплет, и засеет,
С краю и до краю.
Цепенение навесет,
Заметелит, завладеет,
Брежу, засыпаю.

* * *

В западне я у врага.
Где же быть мне? Здесь в юрте?
В этой душной тесноте?

Или выйти на снега?
Как выходят на луга?
Там теснее в пустоте,
В безграничности того,
Что едино и мертво.
Я вольнее между стен,
Где хоть тени перемен,
Где хоть это для меня: –
Тихий треск и скок Огня.
На равнине я мертвец
В безграничности гробниц.
Где начало есть конец
В одноцветном без границ.
Там я в вольности – скелет,
Здесь я в тесноте – живой.
Мной зажженный – дышит свет
В этой келье гробовой.
Только выйду, видно мне,
Что со мною никого.
Здесь же в жарком полусне
Оживает вещество.
Я подушку обниму,
Я с покрывалом говорю.
И шепчу я в полутьму
К неизвестному, ему.
Мне отрадней и вольней
Закрывать свои глаза,
Обращаясь мыслью к ней,
Чьи глаза как бирюза.
С непостижной говорю,
Распаляюсь и горю,
В теле есть такой огонь,
Что уж вот я не один.
Ветер взвыл. Ну, что ж, трезвонь,
Но меня в тиши не тронь,
Здесь не царство диких льдин.
Здесь хоть в грезе, я ловлю
Чье-то нежное «Люблю»,
Хоть в гробу, но властелин.

* * *

Я узнал сегодня ночью,
Что воочью, что воочью
Вещи все – живые.
Я зажег огонь, и думы
Думал, думал. Ветра шумы
Доходили до меня,
Круговые.

Я глядел на скачок Огня.
Сине-красную он пляску
Начинал и изменял,
Взявши желтую окраску.
Зачинал иную сказку,
Становился снова ад,
В дым бежал, в седые дымы,
Перемещивался с ними,
Прогонял их от себя,
Бил их прутьями цветными,
Языками расписными,
Пламецветности дробя,
Сам собою обольщался,
Голубою клятвой клялся,
Что нельзя же не любя
Так неистово метаться,
Так несдержанно гореть,
Был как золото, как медь,
Фиолетово мерцая,
Начинал тихонько петь,
Вился, дымы обнимая,
Снова дыму пел: Не тронь,
Нет, не тронь, ведь я Огонь.
Золотился реже, реже,
Загрязнялся чаще, чаще.
И на шкуре я медвежьей
Размышлял, что я пропащий,
Что когда-то я весной
Был с любимой женой.
Проходил по вешней чаще,
Каждый листик был алмаз,
Каждый цветик нежил нас,
О, я помню, как коснулся
Я губами нежных губ,
Как невольно усмехнулся
Я на свежесть поцелуя,
Каждый, к зубу льнущий, зуб,
Каждый нежный белый зуб
Мне любовно улыбнулся,
Жил в отдельности ликуя.
О, я помню как меня
Тонкий ток пронзил огня,
Как я сжал ее, и ало
Улыбалася заря,
И лесная тишь качала,
Без конца, и без начала,
Двух влюбленных, в ком, горя,
Было счастье обниматься,
Так, вот так, прижать, прижаться,
Так, вот так... Постой, постой,
Что такое, что такое,
Что такое здесь со мной?

Я лежу в палящем зное
С изумительной женой!
На медвежьей был я шкуре,
А теперь – в объятьях чьих?
В поцелуйной дикой буре,
Мне Огонь поет свой стих,
Я в истомности касаний,
Я целую, я дрожу,
Я в сиянье, я в тумане,
Кто со мной, не услежу,
Что со мной, не расскажу,
Я вступил в огонь горячий,
Телом я вошел в весну,
Я захлебываюсь в плаче,
В сладком хохоте стону,
И кругом, с Огнем качаясь,
Расцветаясь в красоте,
Отраженьями встречаясь,
Пляшут вещи все в юрте,
Пляшет утварь, пляшут стены.
Сумрак шепчется живой,
Все в дрожанье перемены
Поцелуй есть теневой,
К огневому средоточью,
Словно шабаш круговой,
Всех вещей стянулся рой.
Это видел я воочью,
Нынче ночью, нынче ночью,
И теперь уж я – другой.

* * *

Что там в складках волчьей шубы?
Что-то есть там? Кто-то скрыт?
Усмехнувшиеся губы?
Кто-то молча говорит?

Мне подмигивает. Вижу.
Осовелые глаза.
А! проклятый! Ненавижу!
Тощий дьявол и коза.

Закривившаяся морда,
Полусломаны рога.
А при этом смотрит гордо,
Словно – вот, мол, съем врага.

Шевельнул я краем шубы.
Надоело. Уходи.

Снова тут. Оскалил зубы.
Хвост означил позади.

Ну, чего ты? Говори же.
Раз пришел, так для чего?
Ухмыльнулся. Смотрит ближе.
Видно, хочет своего.

А чего, ему известно.
Вправо, влево он мигнул.
Встали тени, так, что тесно.
В голове, как в улье, гул.

Расползлись, как черви, лики,
Копоятся и глядят.
Хоть ручные, все же дики,
И косят неверный взгляд.

Полузвери, полурыбы,
Птицезмеи, жадный рот.
Дивных стран живые глыбы,
И на них бесовский скот.

Диво – пастбище видений
Распаленного ума.
Кто вы, тени? Что вы, тени?
Ваша мать – Смерть сама?

Луг ваш – дух умалишенный?
Тощий Дьявол – ваш пастух?
Язвы памяти бессонной,
Саранчою полный слух!

* * *

Вновь ушел, и вновь пришел.
Чей же это произвол
Гонит внутрь, и прочь, во вне,
И велит кружиться мне?

Там в клетки – ручной медведь,
Здесь в юрте – ручной пингвин.
Что же, песню им пропеть:
Сжальтесь, звери, я один?

Тут еще – ручной тюлень.
Что ли, с ним поговорить?
Я, мол, видывал сирень,
Я умею нектар пить.

Тоже был, мол, кое-где,
Тоже я не кто-нибудь,
Обратя свой взор – к звезде,
Начинал свой дальний путь.

А не выгорело, – что ж,
Приходи сюда другой.
Посмотрю я, как пойдешь
По безбрежности морской.

Посмотрю я, как дойдешь
До величья белых льдин,
Как мечта увидит ложь
Ею тканых паутин.

Это Полюс? Может, да.
А быть может, что и нет.
Полюс наш в душе всегда,
В первожданности примет.

Вот примета: Поцелуй.
Вот примета: Вздох – люблю.
Вот примета: Взрывность струй.
Зов русалки: Утоплю.

Вот примета: Долгий взгляд.
Сердце к сердцу. Полюс – здесь.
Ты же шел – всегда назад,
Проходя простор свой весь.

Ты лишь думал, что вперед
Уходил и уходил.
И ушел. В бесцельном. Вот.
В безглагольности светил.

* * *

Какая ночь! Все звезды. Полны числа.
Узоры дум, что мыслятся не здесь.
Качается златое коромысло,
И влагой звездной мир обрызган весь.

В сиянье свеч, округлую равнину
Повсюду купол ночи обступил,
В раскинутом величии я стыну.
О, атом пытки в торжестве светил.

* * *

Я вспомнил что-то из того,
Что было некогда моим,
Теперь же – призрак, ничего,
Отшедший звук, ушедший дым.

Я был у моего окна,
В каком-то сладостном бреду,
А голубая вышина
Зажгла Вечернюю Звезду.

И вдруг я понял, что звено
Есть между вышнею и мной,
Что темный с светлой есть одно,
Что я земной и неземной.

И так душа была жива,
Как в Мае пляска светлых дев,
Душой – в одно слившись два,
Я пел вселенский свой напев.

* * *

В мое окно глядит Вечерняя Звезда.
[Она же Утренняя].
Вокруг меня шумят ночные города.
[Они же утренние].
В моей душе навек слились и Нет и Да.
[И Да и Нет – их нет].

В моей груди дрожит благоговейный вздох.
[В нем и проклятие].
Вокруг моих гробниц седой и цепкий мох.
[Он и с расцветами].
Со мною говорят и Сатана и Бог.
[Их двое, я один].

* * *

О, паденье росы, при рождении дня,
Ветром навеянное!
Дар дивящихся трав, добровольная дань,
Ночью надуманная!

О, паденье дождя, на продольность долин,
Облаком свеянное!
О, рождение слез, в день единый из дней,
Веденье свидетелей!

* * *

Зачем, звено с звеном свивая,
Сюда спустился светлый сон,
Звуча зурной, струной, свирелью,
Струя струю светлей зари?

Свежая сказки сонных листьев,
И в свисты свежий ветер влив,
Зачем влагает в слух – их слитность,
Зачем зовет, зачем, зачем?

За слоем слой снега в подлунной,
Пришла весна, весна ушла,
Зачем же светлый звон свирели,
Весло в волне зачем, зачем?

Шутя, блестя, шурша, как шалость,
Зачем тот шепот – шелк пришел,
Свирели счастья в саркофаге
Зачем, зачем, зачем, зачем?

* * *

Где же я?
Где же я?
Веет, сеет Небо снег.
Где же я?

Если б плыть.
Если б плыть!
Можно б встретить тихий брег,
Если б плыть!

Я в цепях.
Я в цепях!
Тело бело, мысли лед.
Я в цепях.

Не привстать.

Не привстать!
Не стряхнуть мертвящий гнет.
Не привстать!

Время нет.
Время нет!
Время было и прошло!
Время нет.

Белый свет.
Белый свет.
Где же я? Дрожит крыло!
Белый свет!

* * *

Не могу я быть в юрте,
Не могу уж, не могу.
Захлебнулся я в мечте,
Эти мысли, те, и те,
Вечно мысли стерегу.
Быть в измышленной черте
Не могу уж, не могу.

Не могу в юрте я быть,
Зрячий филин – и слепой.
Самого себя любить,
Душу в малости дробить,
Чтоб себя же обступить
Все собой, самим собой.

В Белый Мир пойду теперь,
Белый Ад хочу избыть,
Распахну я настежь дверь,
Быть с собою – то не быть.
Белый Мир, вступаю в бой,
С Белым Дьяволом, с тобой.
Белой Смерти я вкусил,
Столько, столько, что не счесть.
И вкушу еще, дотла.
Вот, ты есть и ты не есть,
Ты скорее лишь была.

Не считая капель сил,
И глядя на ток светил,
Я узор мечты плету,
Я бросаю свой уют,
Зажигаю я юрту,
Языки Огня поют.

Белый Мир, в последний бой
Выхожу теперь – с тобой,
Ты не сможешь победить,
И в тебе найду я нить
В сказку Жизни Голубой.

* * *

А воистину ли там,
Где обрублен лед водой,
А воистину ли там
Праздник жизни золотой?

Не приснилось ли мечте,
Что когда-то был я там?
Не приснилось ли мечте,
Рай и Ева и Адам?

Это вымыслы мои,
Чтобы спрятать круглый путь?
Это вымыслы мои,
Чтоб в снегах не потонуть?

Это хитрость пред собой,
Не скружиться на кругу?
Это хитрость пред собой,
Жить хоть как-нибудь в снегу?

А коль я наоборот,
Или тот же вечный круг?
А коль я наоборот,
Или вечно я сам-друг?

А коль я на перебег,
Не достигну ль я себя?
А коль я на перебег,
Или тот же вечный снег?

А коль я направо – так – ?
Что-то спуталось во мне.
А коль я налево – так – ?
Все тропинки я смешал.

Снова впрямь на перебег,
Там, быть может, новый путь?
Снова впрямь на перебег,
Есть тут лед, не только снег.

Ну, а если я пойду

Без оглядки вдаль по льду?
Ну, а если все вперед,
Может, что-нибудь найду?

Вплоть до синей до воды
Если я пройду все льды?
Ой, как скользко! Гладкий лед!
Нет ни смерти, ни беды.

Вплоть до влаги я дойду,
К синей влаге припаду,
Что там? Лишь не снег, не лед!
Что-нибудь, но там найду!

* * *

Вызвездило. Месяц в дымке скрыт.
Спрятал он во мгле свои рога.
Сумрачно. Но бледный снег горит.
Внутренним огнем горят снега.

В призрачности белой я слежу,
Сколько их, тех звездных паутин.
Как бы сплесть из них мне мерезу?
В Вечном я. Один, один, один.

* * *

Я из белой страны.
– Кто сказал? Кто сказал? –
Я из белой страны.
На иную межу.
Я из белой страны
Ухожу.

* * *

Морской леопард – он не тронул меня,
Полярный медведь – он не тронул меня,
Лежали моржи и глядели,
И словно сосульки застывшей метели
Белели у них клыки.
Тюлени толпами – прощайте навек,

Прощайте пингины, отродье калек,
Уходит, уходит от вас человек,
Уходит.

Вверху огоньки, и внизу огоньки,
Вверху звездомлечность Великой Реки
Узорные волны проводит.
И всполохи встали в цветистом бреду,
Сгорают.
А тут, на звенящем и призрачном льду,
Ответные звезды играют.
Свершилось. Звезду увидала звезда.
На льды голубая заходит вода.
Иду!

*1908. Ночи Зимние. Белое Утро
Долина Берез*

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 3.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>